

УДК 30(308)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ ВЛАСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ GOOGLE NGRAM BOOKS*

А. Н. Олейник

Memorial University of Newfoundland (Канада),
Центральный экономико-математический институт РАН (г. Москва)
aoleynik@mun.ca

Аннотация. В статье рассматривается эволюция ряда концептов, описывающих государственную власть, или правительственность, в сравнительной перспективе. Российский дискурс о власти сравнивается с дискурсом западным. В качестве источника информации используются данные Google Books Ngram Viewer за 1800–2019 гг., которые охватывают более 5 % всех опубликованных книг. Делается вывод о сродстве российского и западного дискурса о власти ввиду трудностей и в обоих случаях говорить правду.

Ключевые слова: дискурс, правительственность, говорение правды.

Для цитирования: Олейник, А. Н. (2021). Сравнительная концептология власти и сопротивления с использованием Google Ngram Books. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 124-143. DOI:10.47850/RL.2021.2.4.124-143.

COMPARATIVE CONCEPTOLOGY OF POWER AND RESISTANCE USING GOOGLE NGRAM BOOKS

A. N. Oleinik

Memorial University of Newfoundland (Canada),
Central Economics and Mathematics Institute RAS (Moscow)
aoleynik@mun.ca

Abstract. The article discusses the evolution of key concepts referring to governmentality in comparative perspective. The Russian discourse on government and power is compared with the Western discourse. The Google Books Ngram Viewer databank covering the period from 1800 to 2019 is used as a source of information. This databank contains more than 5% of all published books. The proposed discourse analysis suggests that the Russian and Western discourses have some elective affinity: in both cases there is little room for truth telling and whistle-blowers face significant risk.

Keywords: discourse, gouvernementalité, parrhêsia, whistleblowing.

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на XI-м Южно-российском политологическом конвенте «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность» (Ростов-на-Дону, 26–30 октября 2021 г.). Автор благодарен рецензентам журнала «Respublica literaria» и участникам обсуждения на XI-м Южно-российском политологическом конвенте за высказанные замечания и пожелания.

For citation: Oleinik, A. N. (2021). Comparative Conceptology of Power and Resistance Using Google Ngram Book. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 124-143. DOI:10.47850/RL.2021.2.4.124-143.

В статье предлагается осмысление диалектики власти и сопротивления через анализ эволюции концептов в сравнительной перспективе: в российском дискурсе на протяжении более чем двух столетий, а также в западном дискурсе в тот же период. При осуществлении сравнений используются подходы политической концептологии [Макаренко, 2005], анализа дискурса и социолингвистики. В качестве источника информации выступают более 5 % книг, когда-либо изданных на русском, английском и французском языках и оцифрованных в рамках проекта Google Books Ngram Viewer [Michel et al., 2011]¹.

Хотя Google Books представляют собой один из немногих находящихся в свободном доступе массивов «больших данных»², этот источник информации обладает рядом ограничений. Проект Google Books был первоначально ориентирован на решение иных, чем контент-анализ, больших текстовых данных, задач, а именно на создание базы данных для использования в машинном обучении и развития искусственного интеллекта [Munster, 2011]. Книги в Google Books рассматриваются в качестве «мешков слов» (bags-of-words) и их словосочетаний, N-grams. Такой подход используется в компьютерной лингвистике, но критикуется представителями библиотечного дела ввиду его противоречия принципам медленного или глубокого чтения, deep reading [Jeanneney, 2007].

Тексты книг анализируются исходя из ключевой для социолингвистики гипотезы Сепира-Уорфа, согласно которой язык определяет параметры мировоззрения его носителей [Whorf, 1956; Sapir, 1961]. Например, превалирование безличных форм в русском языке (ему холодно, не спится, не везет) можно рассматривать в качестве и следствия, и предпосылки воспроизводства централизованного русского государства, в котором ключевые решения принимаются ограниченным кругом лиц [Ермаков и др., 2004, с. 103]. Распространение безличных форм подчеркивает отсутствие контроля со стороны субъекта.

Хотя попытки проследить взаимосвязь между различными словами и оборотами, с одной стороны, и практическими действиями использующих их лиц, с другой стороны [Skinner, 2002, с. 3], иногда отождествляют с «наивной» социологией [Ермаков и др., 2004, с. 116], результативность данного методологического подхода признавалась социологами еще в советское время. Отсутствие «открытых» массовых опросов в тот период восполнялось использованием в качестве индикатора социальных настроений писем в центральные газеты и на телевидение. Они подвергались детальному изучению с помощью контент-анализа и других

¹ <https://books.google.com/ngrams/>

² «Большие данные» отличают объем, разнообразие и скорость изменения (VVV: volume, variety, velocity) [Berman, 2013, p. xx].

исследовательских методов [Алексеев, 1970; Карусоо и др., 1970; Секерин, 1970; Shlapentokh, 1989]. Сегодня аналогичный исследовательский подход активно используется экономистами для предсказания динамики макроэкономических показателей, темпов экономического роста, к примеру, на основе отслеживания частотности слов-«маркеров» в новостях [Коноплев, 2020].

В статье предложен не комплексный социолингвистический анализ языка или языков власти, а отслеживание эволюции дискурса власти и сопротивления. На первом этапе выделены ключевые концепты для данного дискурса, а затем проанализирована их относительная частотность (% от всех использованных в тексте слов) по годам, начиная с 1800 г. и заканчивая 2019 г., и в различных языках – русском, английском и французском. Английский и французский языки служат источником информации для получения представления о западном дискурсе власти и сопротивления, а русский – о дискурсе постсоветском.

Власть

Концепт власти широко используется как в повседневном, так и в научном дискурсе. Однако при попытке отследить его эволюцию в сравнительной перспективе возникают практические трудности. С одной стороны, власть может пониматься и как навязывание воли другому субъекту, что ограничивает свободу последнего, и как выражение автономности индивида, его умения и способности отвечать за свои действия [Макаренко, 2005, с. 60-69]. Для различения этих случаев иногда используют выражения «власть над» и «власть для» [Ledyayev, 1997, с. 92-105], но данные языковые конструкции практически не используются за пределами аналитической философии.

С другой стороны, количество значений слова «власть» разнится в зависимости от языка. В английском, например, этот термин используется и при обсуждении энергии, *electric power*, *nuclear power*, *horse power* и т. д. Кроме существительного, есть и глагол, *to power up*, со значением подключения чего-либо к источнику питания. В французском и немецком языках можно более точно различить «власть над» и «власть для». Так, *rouvoir* ближе по смыслу к «власти над», а *puissance* – к «власти для» [Hegy, 1974]. *Macht* с немецкого точнее переводить как «власть для» [Wrong, 1980, p. 9].

С учетом этих нюансов сравнение относительных частотностей концепта «власть» в различных языках затруднено. Пик популярности концепта «власть» на английском пришелся на 1830-е гг., то есть на период расцвета Британской империи, а также Промышленной революции. Рост популярности концепта на французском в период между 1970–2010-ми гг. объяснить сложнее, ибо на английском и немецком в тот же период наблюдалось падение интереса к нему (Рис. 1).

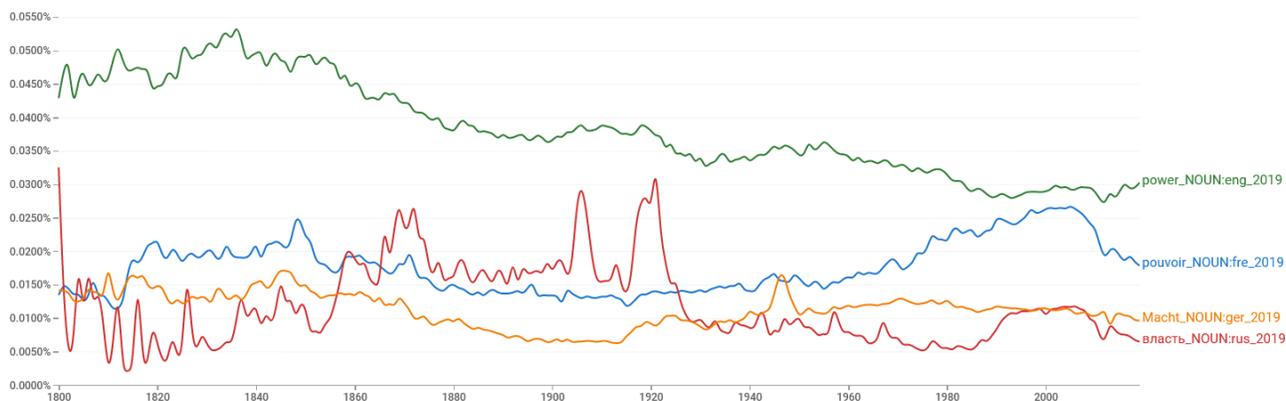

Рис. 1 Относительная частотность употребления существительного «власть»

На русском языке о власти говорят особенно много в периоды ее трансформации: во времена реформ Александра II (1860–1870-е гг.) и революций 1905 и 1917 гг. (Рис. 2). В меньшей мере эта тенденция проявилась в ходе постсоветских трансформаций, что может свидетельствовать о сохранении ключевых характеристик власти нетронутыми в 1990-е гг. Примечательно, что динамика относительных частотностей упоминания власти и смуты в русскоязычных книгах схожа, особенно в XX и XXI столетиях. Этот факт косвенно подтверждает предположение о том, что в российском случае о власти есть смысл говорить только когда она воспринимается ослабленной. Для периодов укрепления и стабилизации власти характерно падение интереса к данному концепту, что проявилось, например, во времена «застоя».

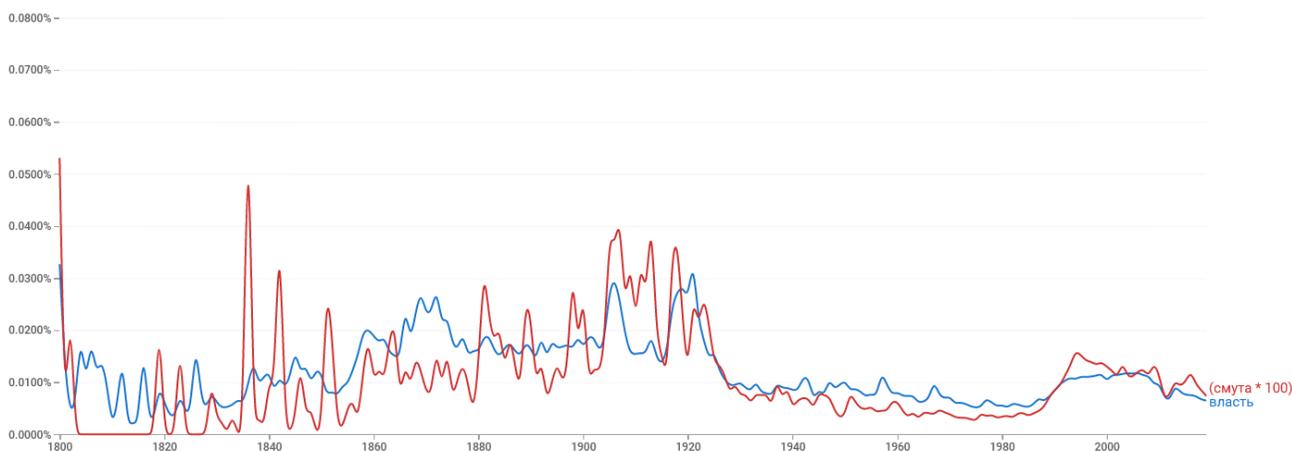

Рис. 2 Относительные частотности употребления слов «власть» и «смута»

Правительность

Следующий концепт, *gouvernementalité*, напротив, слишком специфичен. Он был сконструирован Мишелем Фуко в его лекциях в Collège de France в конце 1970-х гг. Его упоминания в изданных на французском языке книгах впервые встречаются в начале 1980-х гг., а на английском языке – десятилетием позднее, с появлением переводов. Примечателен устойчивый рост популярности концепта *governmentality* в англоязычных изданиях в последующие годы, с достижением пика в 2016 г. (Рис. 3).

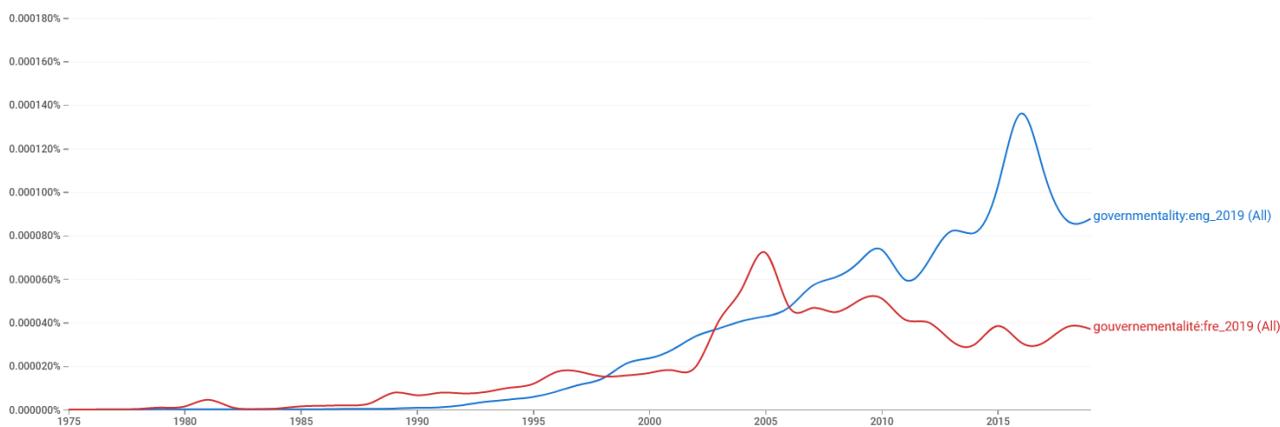

Рис. 3 Относительная частотность употребления слова «*gouvernementalité*»

На русском языке концепт по-прежнему известен мало, он даже не проиндексирован в *Google Books*. Поиск в *eLibrary* по всем полям выдал 153 публикации с упоминанием правительности, большая часть которых, 96, пришлось на 2018–2020-е гг.³ Журнал «Respublica Literaria» опубликовал один из этих текстов [Кшевин, Симоненко, 2021]. Собственно, отсутствует даже общепринятый перевод: наряду с правительностью встречаются также правительственность, государственное управление, управлениетет и устройство управления.

Фуко определяет *gouvernementalité* как совокупность институтов, процедур и технологий власти. Он выделяет три ключевых компонента этой совокупности: суверенитет, дисциплину и безопасность, с помощью которых жители страны превращаются в управляемое «население» [Foucault, 2007, pp. 108-109]. В современном государстве, по мнению Фуко, в государственном управлении задействованы все три компонента, что отличает его от менее совершенных предшественников. В европейском случае современное государство возникло в XV–XVI вв.

Суверенитет осуществляется посредством контроля территории и установления национальных границ. Интерес к концепту суверенитета на Западе остался преимущественно

³ Поиск осуществлялся по состоянию на 10.09.2021 г.

в прошлом (Рис. 4). Напротив, передел национальных границ после Второй мировой войны и коллапс Советского Союза обусловили увеличение интереса к этому концепту в публикациях на русском языке, который вместе с интересом к «суверенной демократии» видимо ослаб в 2010-е гг.

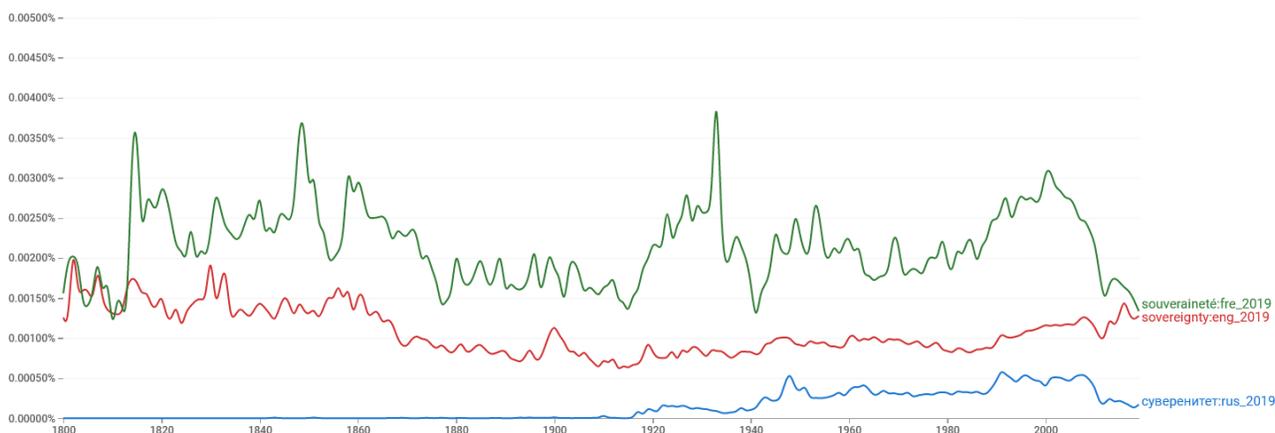

Рис. 4 Относительная частотность употребления слова «суверенитет»

Дисциплина означает контроль над телом и поступками человека. Его свобода при этом ограничивается, а действия направляются в желательном для обладателя власти направлении. Как и в случае суверенитета, интерес к концепту дисциплины в западном дискурсе остался преимущественно в прошлом (Рис. 5). В русскоязычных книгах, напротив, он сохраняется вплоть до последнего времени с тремя пиками, приходящимися на Гражданскую и Вторую мировую войны, а также начало 1980-х, запомнившихся попытками укрепить трудовую дисциплину. При этом в абсолютном выражении в российском дискурсе дисциплине всегда уделялось меньшее внимание, чем в дискурсе европейском.

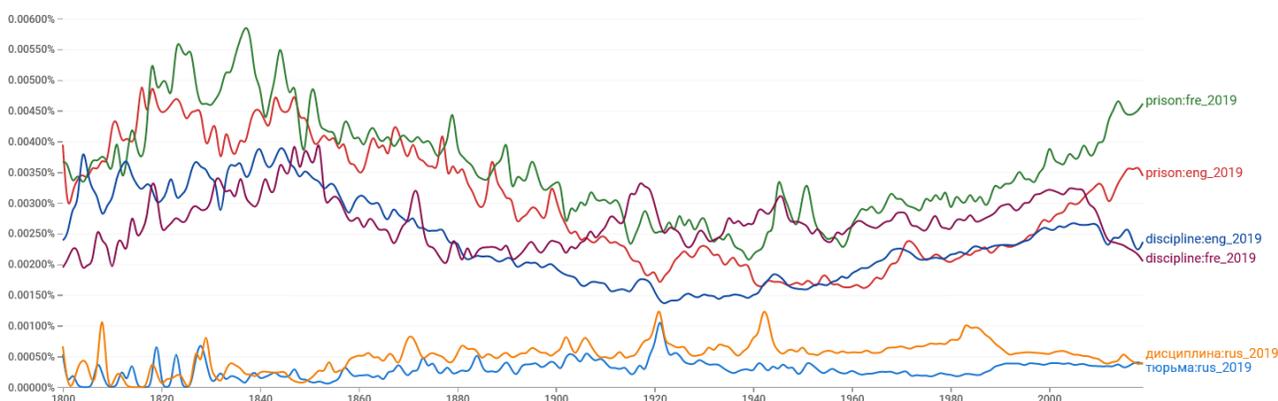

Рис. 5 Относительные частотности употребления слов «дисциплина» и «тюрьма»

В наиболее явном виде дисциплина материализуется в тюрьме. Начиная с конца 1960-х, наблюдается возрождение интереса к тюрьме в книгах на английском и французском языках. В русскоязычных книгах, напротив, тюрьма остается на периферии внимания, хотя стоит отметить незначительный рост интереса к этому концепту в последние 30 лет.

Третий компонент *gouvernementalité* – безопасность – предполагает формальную свободу действий субъектов власти. Это наиболее «современная» технология власти, что подтверждает рост относительной частотности упоминания концепта безопасности после Второй мировой войны (Рис. 6). В русскоязычных изданиях рост интереса к безопасности начался позднее, с 1990-х гг., и выражен менее явно. «Современной» российскую правительственность в этом смысле назвать по-прежнему трудно.

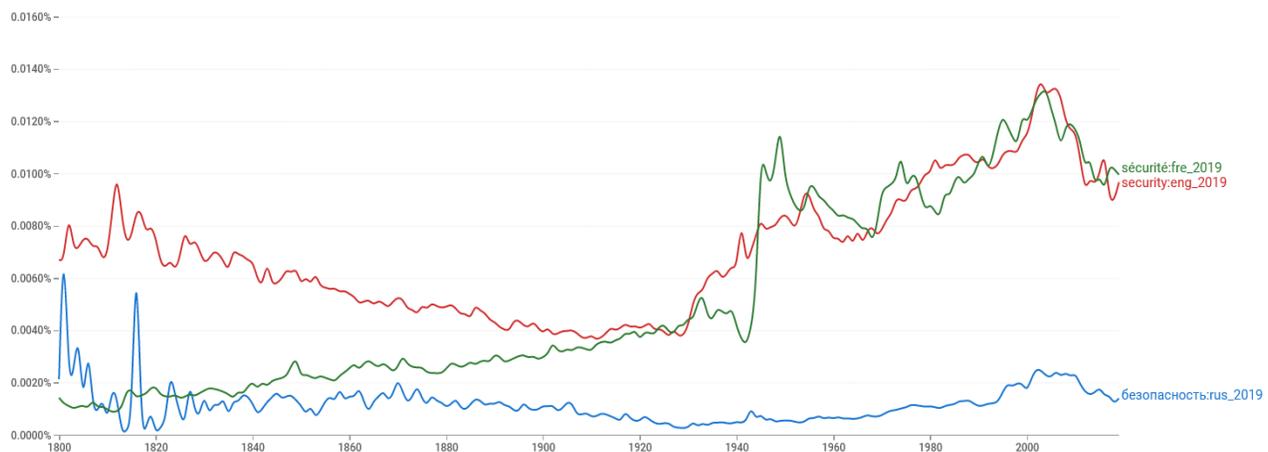

Рис. 6 Относительная частотность употребления слова «безопасность»

Безопасность как управляемая свобода действий (или «управляемая демократия», если использовать еще одно популярное в 2000-е гг. выражение) достигается с помощью рынка и полиции. Упоминание полиции в данном контексте требует пояснений. «Полиция» в европейских языках является синонимом искусства управлять [Foucault, 2007, p. 319]. Это не столько правоохранительный орган, сколько институт управления формально свободными действиями. В этом смысле «полиция ... основана на рыночных принципах, или, выражаясь более прямо, тождественна широко понимаемому рынку» [Foucault, 2007, p. 335].

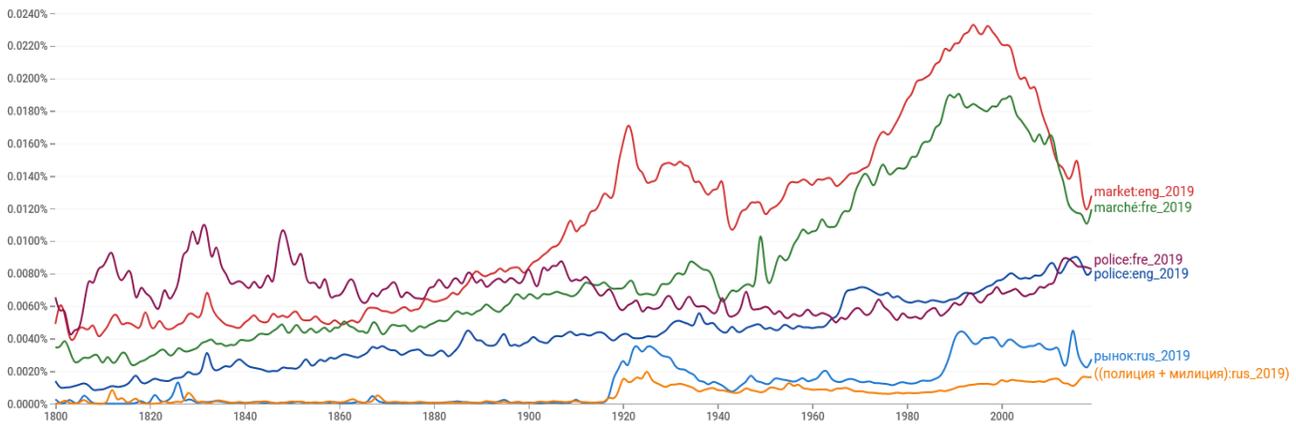

Рис. 7 Относительные частотности употребления слов «рынок» и «полиция/милиция»

Концепт рынка в европейском случае был в моде [Макаренко, 2009] примерно до 2000 г. В русскоязычных книгах мода на этот концепт наблюдалась дважды – в 1920-е гг. (период НЭПа и дискуссий о рыночном социализме) и в постсоветский период (Рис. 7). Что касается концепта полиции, то интерес к нему остается стабильным как на Западе, так и в России, хотя в абсолютном выражении интенсивность интереса в последнем случае значительно ниже.

Подчинение

Целью обладателя власти является обеспечение подчинения других индивидов своей воле [Weber, 1968, p. 53]. Если этот результат не достигается, то власть как таковая отсутствует. Поэтому концепт подчинения присутствует в любом дискурсе о власти ее обладателя. Концепт подчинения упоминается в российском и европейском дискурсах с приблизительно одинаковой частотой. Более того, изменения в относительной частоте происходят более-менее синхронно: начиная с 1920-х гг. в случае существительного (Рис. 8) и начиная с 1870-х годов в случае глагола (Рис. 9). На дискурсивном уровне целевая функция обладателя власти в российском и европейском случаях отражена сходным образом.

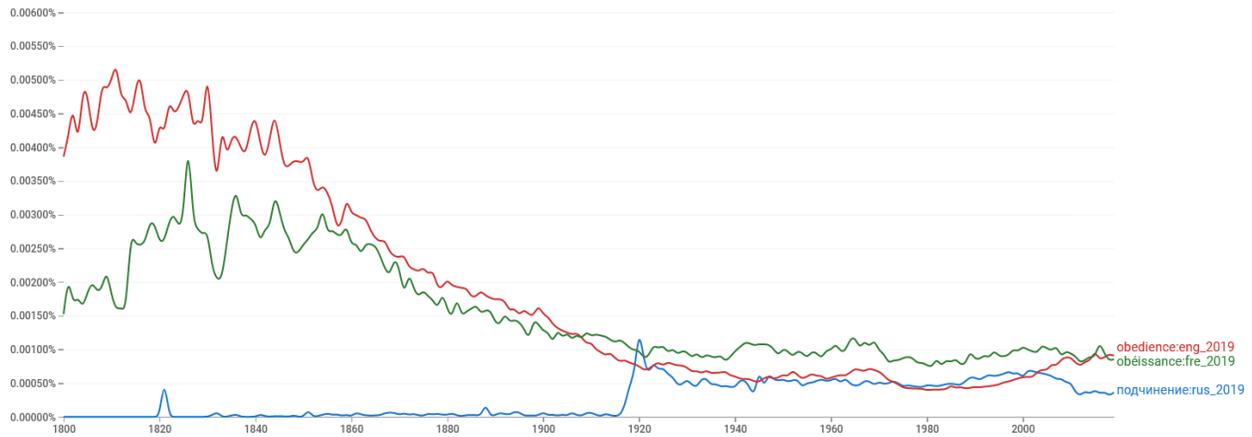

Рис. 8 Относительная частотность употребления существительного «подчинение»

Рис. 9 Относительная частотность употребления глагола «подчиняться»

Примечательно то, как именно достигается подчинение – преимущественно «кнутом» или «пряником». «Пряник» упоминался чаще в 1966–1989-е гг., то есть в период «застоя» (Рис. 10). Не исключено, что наличие у некоторых позитивных ассоциаций с этим периодом объяснимо именно приоритетом, отдаваемым поощрению и стимулированию. До и после указанного отрезка времени основное внимание уделялось концепту «кнута», причем в последние годы – с максимальным за все время наблюдений отрывом.

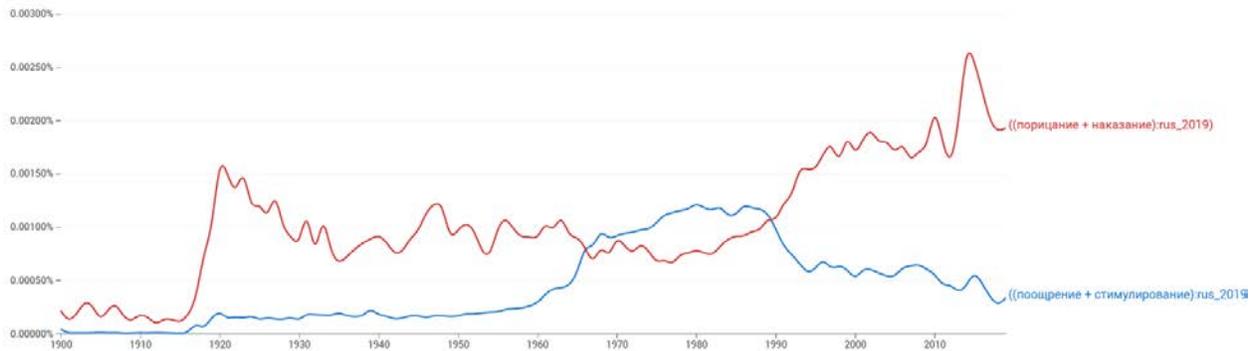

Рис. 10 Относительные частотности употребления слов «порицание/наказание» и «поощрение/стимулирование»

Сопротивление

Если в дискурсе о власти с позиций ее обладателя акцент делается на подчинении, то в дискурсе о власти с позиций того, на кого власть распространяется, во главу угла ставится сопротивление. Сопротивляясь навязыванию воли, человек одновременно защищает свою автономию.

Чаще всего концепт сопротивления встречался и в российском, и в западном дискурсе во время Второй мировой войны (в 1942 г. в русскоязычных книгах, в 1944 г. во франкоязычных книгах), и в послевоенный период (в 1959 г. в англоязычных книгах) (Рис. 11). Впоследствии относительная частотность данного концепта постепенно снижалась.

Рис. 11 Относительная частотность употребления слова «сопротивление»

На самом абстрактном уровне идея сопротивления более распространена, чем идея подчинения во всех трех рассматриваемых случаях. Концепт сопротивления в 2019 г. упоминался в русскоязычных книгах в 5 раз чаще концепта подчинения, в 6 раз чаще в англоязычных

и в 4 раза чаще во франкоязычных книгах (Рис. 12). Для сравнения: в 1980 г. соответствующие пропорции были 7, 15 и 6. А в российском случае пропорция принимала максимальное значение (30-кратное превышение) в 1831 г., на который пришлось польское восстание. Ни в один из годов концепт подчинения не упоминался чаще концепта сопротивления, что и не удивительно, учитывая относительно большее число тех, кто властью не обладает по сравнению с числом тех, у кого она есть.

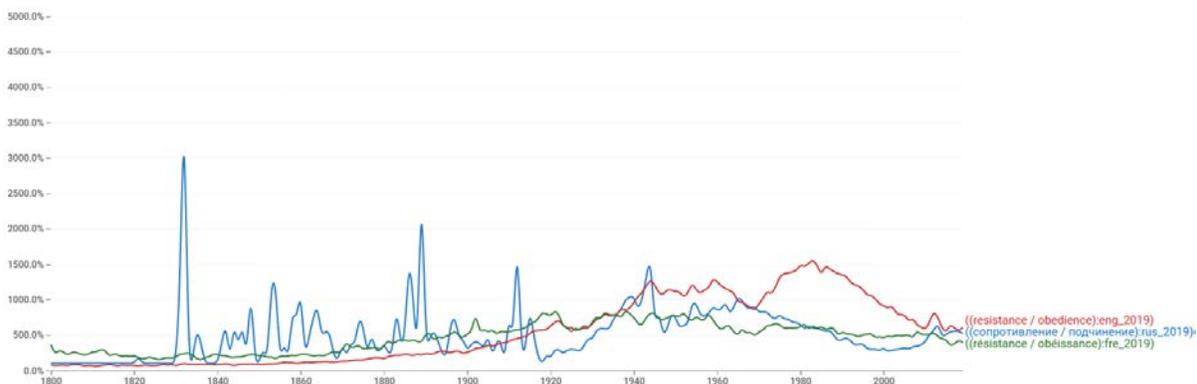

Рис. 12 Соотношение относительных частотностей употребления слов «сопротивление» и «подчинение»

Попытки отследить сравнительную динамику упоминаний субъектов, которые защищают свою автономию от властного воздействия, сопряжены с трудностью, обусловленной политической окраской некоторых терминов. Как представляется, распространенность термина диссидент, которая в европейских языках наблюдалась, начиная с конца 1970-х, а в русском языке – начиная со второй половины 1980-х гг., обусловлена его ассоциацией с диссидентами в Советском Союзе и не обязательно с диссидентами на Западе (Рис. 13). Динамика относительной частотности упоминания одного из синонимов – «несогласный» – подтверждает это предположение. С этой точки зрения ссылка на «несогласных» в протестных акциях со второй половины 2000-х гг. может интерпретироваться как предпочтение концепта, имеющего более «длинную» историю в русском дискурсе.

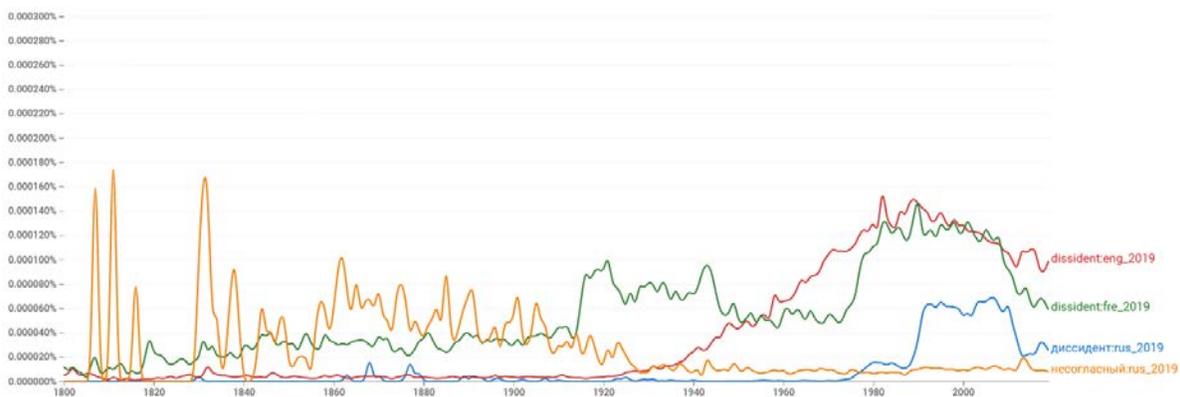

Рис. 13 Относительные частотности слов употребления «диссидент» и «несогласный»

Поэтому для получения более четкой картины были учтены несколько синонимов, используемых для упоминания субъекта сопротивления (Рис. 14). В книгах на русском языке субъект сопротивления упоминался чаще, чем в книгах на английском языке вплоть до 1934 г., когда после убийства С. Кирова были развязаны массовые репрессии. Относительная частота упоминаний субъекта сопротивления на русском языке стала расти с началом перестройки и резко сократилась после неудачи протестного движения 2011–2013-х гг. Впрочем, частота упоминаний субъекта сопротивления в английском языке начала сокращаться еще раньше, с начала 1990-х гг. Судьба героя культового фильма «Brazil» (1985) в этом смысле показательна: его сопротивление капиталистической бюрократии стоило ему жизни. А годом раньше Фуко вынужден был признать, что говорение правды в западном обществе «исчезло как таковое» [Foucault, 2011b, p. 30], о чем будет сказано отдельно.

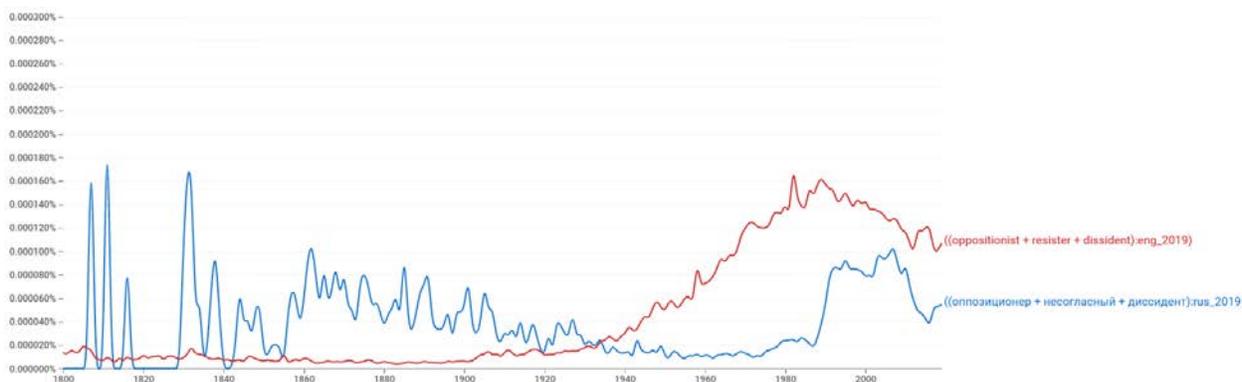

Рис. 14 Относительная частотность употребления слова «*оппозиционер/несогласный/диссидент*»

Parrhêsia или говорение правды

Если сделать еще один шаг от абстрактного к конкретному, то требуется найти действие, совершение которого наиболее полно отражало бы идею сопротивления власти вне зависимости от ее практического воплощения в демократическом, олигархическом, монархическом или авторитарном государстве. Как представляется, в качестве такого действия может рассматриваться Parrhêsia или говорение правды.

Фуко был одним из первых, использовавших концепт Parrhêsia в современном дискурсе. В его уже упомянутых лекциях в Collège de France он уделил ему значительное внимание [Foucault, 2011a, Foucault, 2011b]. Истоки данного концепта исходят к Древней Греции как системе античной демократии. Говорить правду, сопротивляясь тем самым власти, пусть и демократической власти большинства, было затруднительно и даже опасно уже тогда, на заре современной цивилизации.

Для Фуко говорение правды является выражением сопротивления. «Подчинение не оставляет места для Parrhēsia» [Foucault, 2011b, p. 336]. Правду, как правило, неприятно слушать. В саркастической форме этот факт отражен в эпизоде фокусов с разоблачением «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова: «Разоблачение совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление. Зрительская масса требует объяснения. // Зрительская масса, – перебил Семплеярова наглый гаер, – как будто ничего не заявляла? Но, принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, Аркадий Аполлонович, я, так и быть, произведу разоблачение» [Булгаков, 2004, с. 139].

Поэтому говорение правды «имеет тяжелые последствия для тех, кто осмеливается это делать» [Foucault, 2011a, p. 56]. Говорящие правду должны быть готовы ко всему, включая перспективу смерти. Причем это верно, как в демократиях, так и в других вариантах правительности. Более того, Фуко делает неожиданный вывод о существовании относительно больших возможностей для говорения правды в монархиях и автократиях: «... истине нет места в демократии. Parrhēsia в автократии возможна» [Foucault, 2011a, p. 64]. По мнению Фуко, убедить и «просветить» одного, пусть даже тиранического правителя, легче, чем понравиться своими речами большинству. Данные соображения делают концепт Parrhēsia универсальным индикатором сопротивления.

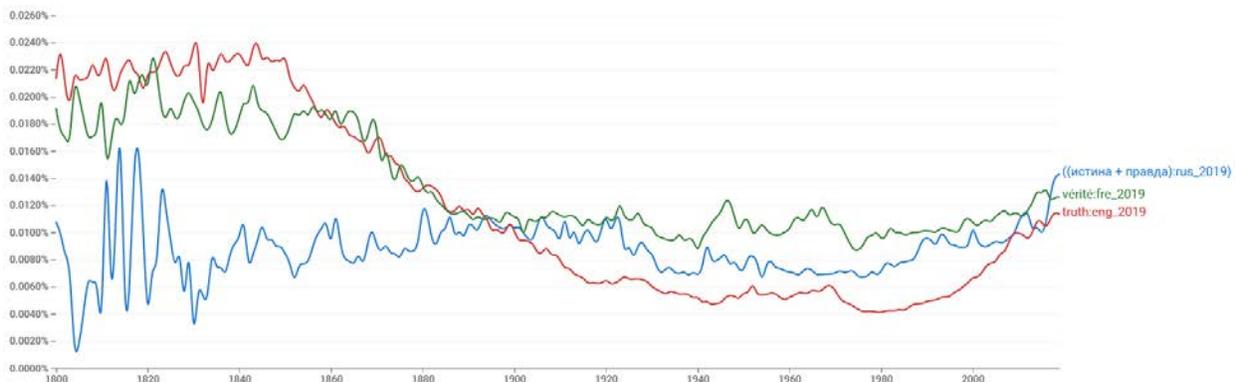

Рис. 15 Относительная частотность употребления слова «истина/правда»

Относительная частность упоминаний правды/истины на трех языках подтверждает догадки Фуко. С конца XIX в. относительные частотности соответствующих терминов близки и имеют тенденцию к синхронному изменению (Рис. 15). Меньше всего интереса к правде/истине и в России, и на Западе наблюдалось в период после Второй мировой войны вплоть до начала 1990-х гг. Затем частота упоминания правды/истины стала возрастать в книгах, изданных на всех трех языках. Примечательно, что по состоянию на 2019 г. правда/истина в русскоязычных книгах упоминается даже чаще, чем в книгах на европейских языках – впервые с 1906 и 1920 гг. (оба относятся к революционным периодам).

Динамика упоминаний правды/истины указывает на существование потребности в говорении правды. О говорении правды судить на ее основании сложно. Более точную картину можно получить, отследив относительную частотность упоминания тех, кто осмеливается на такой шаг. Термин для описания субъекта, осмеливающегося говорить правду, нелегко найти как в русском, так и в европейских языках. На английском языке вскрывающего нелицеприятную правду называют *whistle-blower*. Например, сотрудник компании решает предать огласке неэтичные или преступные действия своего руководства [Economist, 2015]. Как и предполагал Фуко, в ответ руководство компании обычно подвергает «дующего в свисток» серьезному давлению, вынуждая его покинуть компанию или находя предлог для его увольнения [Swedberg, 2003, p. 212].

На русском языке термин «правдоруб» представляется наиболее близким по смыслу. Однако первые примеры его использования относятся к периоду перестройки, что ограничивает его полезность в сравнительном анализе (Рис. 16). Если добавить синонимический ряд, как и в ряде предшествующих случаев, то оказывается, что вплоть до 1977 г. (одного из самых «застойных») упоминания говорящих правду в русскоязычных книгах можно было найти чаще, чем в книгах на английском языке. С началом 1980-х частота упоминаний «дующих в свисток» растет значительно быстрее, чем относительная частотность соответствующих терминов на русском языке (Рис. 17). Потребность в говорении правды в постсоветском контексте, видимо, не сопровождается соответствующим предложением. Храбрецов говорить правду в российском случае сегодня меньше, чем до Второй мировой войны, во всяком случае если судить по упоминаниям о них в книгах.

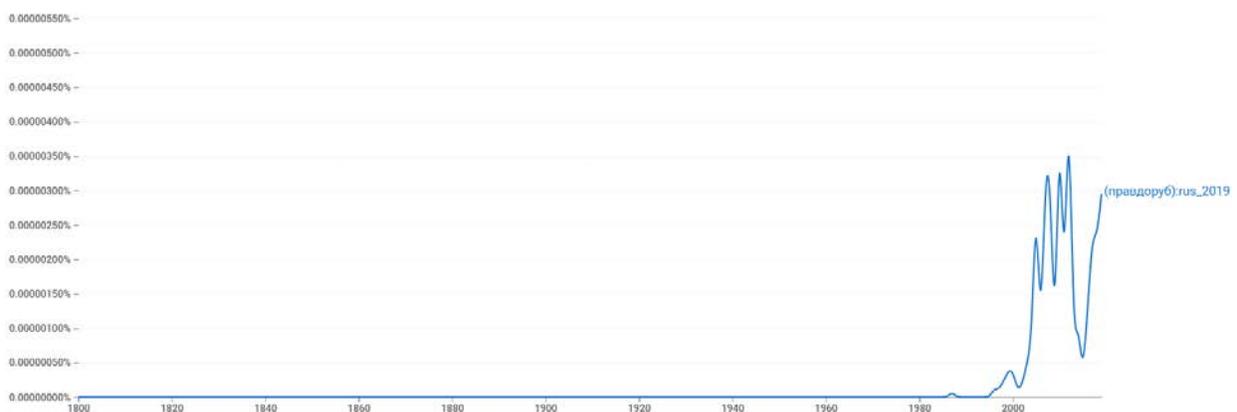
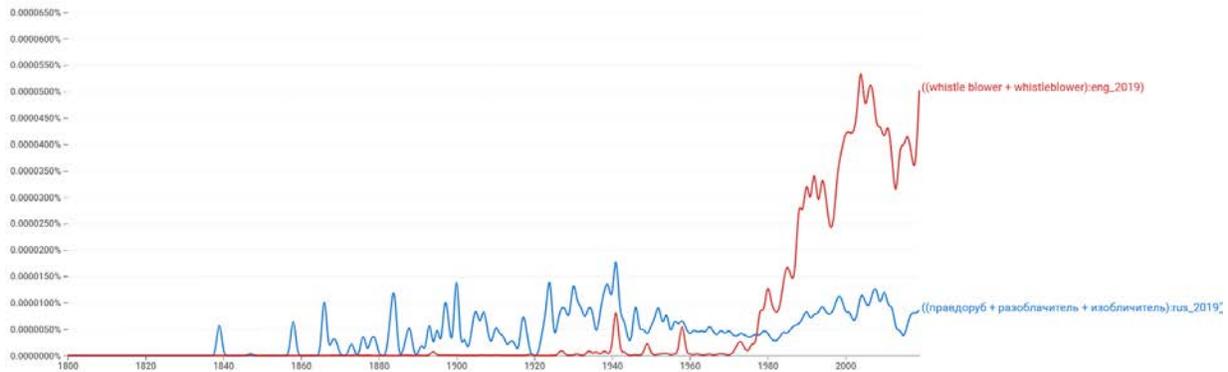

Рис. 16 Относительная частотность употребления слова «правдоруб»

**Рис. 17 Относительная частотность употребления слова
«правдурб/разоблачитель/изобличитель»**

Подводя итоги проделанному анализу, можно выделить два достойных особого внимания момента. Во-первых, власть в России по-прежнему не вполне современна, хотя ее архаичность иногда преувеличивают. Все три компонента правительности – суверенитет, дисциплина и безопасность – здесь сегодня присутствуют, хотя и в несколько иной комбинации, чем на Западе. Одним из выражений относительной «отсталости» русской власти можно признать преобладание «кнута» (порицания и наказания) над «пряником» (поощрением и стимулированием) и слабое рефлексирование по поводу полицейского государства, если отвлечься от «милицейского беспредела» (термин вошел в обиход в 1990-е гг.).

Во-вторых, при всех известных властных режимах пространство для сопротивления незначительно, хотя потребность в сопротивлении велика, о чем свидетельствует более частое упоминание сопротивления по сравнению с подчинением. В еще большей мере это применимо к говорению правды. Подобно выбору между несовершенными вариантами экономической организации: унитарной фирмой, дивизиональной структурой, конгломератом и гибридом [Williamson, 1991, Ménard, 2021], стоит говорить о выборе между несовершенными вариантами государственного устройства, причем не предполагая загодя, подобно У. Черчиллю, преимущество демократии. Делая данный вывод, следует отметить, что правдуробы все же чаще упоминаются в западном, а не российском дискурсе, во всяком случае, на протяжении последних 40 лет.

Последний вывод имеет и нормативную интерпретацию. Если при всех известных режимах, включая западные и античные демократии, пространство для сопротивления мало, то поиски решений, позволяющих увеличить это пространство, стоит продолжать, а не прекращать. Метафора, использованная М. Горьким в «Жизни Клима Самгина», задает критерий успеха в таком поиске: «... каждый должен иметь место для единоборства... Каждому – свое пространство! И – не смейте! Никаких приманок! Не надо конфет! Не надо кружек!» [Горький,

2017, с. 357, 364]. Толпа на Ходыньском поле в 1896 г. в данном случае символизирует «население», приманки (конфеты и кружки) – «пряник» власти (к слову, пряники тоже обещали), а давка – исчезающее пространство для сопротивления ей. Главный герой, как мы помним, находился в безуспешном поиске одного всю свою 40-летнюю жизнь, сначала при царизме, а затем после революций 1905 и 1917 гг.

История Самгина говорит о том, что надежды на просвещение властителя не исключаются, но обусловлены, с одной стороны, наличием кандидата, заинтересованного в просвещении и, с другой стороны, доступом просветителей к такому кандидату. И столетие назад, и сегодня, однако, существование таких условий в российском случае видится нам спорным.

Диалектика власти и сопротивления, как представляется, сводится к интерпретации автономным индивидом вопроса быть или не быть, to be or not to be, как сопротивляться или не сопротивляться власти. Вопрос был поставлен У. Шекспиром в случае монархии:

«To be, or not to be, that is the question,
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them?»⁴

Принцу Гамлету, чтобы заявить правду об убийстве своего отца, короля Дании, потребовалось иносказание средствами театра. Иносказательность, впрочем, не помогла смягчить последствия говорения правды. Есть все основания предположить, что и в «демократической» версии «Гамлета» счастливый конец отнюдь не гарантирован.

Список литературы / References

Алексеев, А. Н. (1970). Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты. *Проблемы контент-анализа в социологии: Материалы Сибирского социологического семинара*. Отв. ред. А. Н. Алексеев. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. С. 41-47.

⁴ «Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Достойно ль

Смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление

И в смертной схватке с целым морем бед

Покончить с ними?» (Акт III, сцена I из «The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark» в переводе Б. Пастернака)

Alexeev, A. N. (1970). An Attempt to Measure Relative Weight of Content Categories in a Newspaper. In Alexeev, A. N. (ed.). *Problems of Content-analysis in Sociology: Materials of the Siberian Sociological Seminar*. Novosibirsk. pp. 41-47. (In Russ.)

Булгаков М. (2004). *Мастер и Маргарита*. М. Олма-пресс.

Bulgakov M. (2004). *Master and Marguerite*. Moscow. (In Russ.)

Горький М. (2017). *Жизнь Клим Самгина*. В 4 ч. Ч. 1. М. Т8RUGRAM.

Gorky M. (2017). *The Life of Klim Samgin*. In 4 parts. Part. 1. Moscow. (In Russ.)

Ермаков, С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский С. В. (2004). *Власть в русской языковой и этнической картине мира*. М. Знак.

Ermakov, S. V., Kim, I. E., Mikhailova, T. V., Osetrova, E. V., Sukhovol'sky, S. V. (2004). *Power in Russian Linguistic and Ethnic Worldview*. Moscow. (In Russ.)

Карусоо, М., Лауристин, М., Тимак, Р. (1970). Методика исследования социальной направленности газеты. *Проблемы контент-анализа в социологии: Материалы Сибирского социологического семинара*. Отв. ред. А. Н. Алексеев. Новосибирск. Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. С. 83-86.

Karusoo, M., Lauristin, M., Timak, P. (1970). A Method for Studying Social Orientation of a Newspaper. In Alexeev, A. N. (ed.), *Problems of Content-analysis in Sociology: Materials of the Siberian Sociological Seminar*. Novosibirsk. pp. 83-86. (In Russ.)

Коноплев, Д. (2020). Асимметрия информационных волн в экономическом мышлении: опыт финансовых кризисов. *Вопросы экономики*. № 1. С. 111-126.

Konoplev, D. (2020). Asymmetry of Informational Waves in Economic Thought: The Case of Financial Crises. *Voprosy Ekonomiki*. no. 1. p. 111-126. (In Russ.)

Кшевин, Н. В., Симоменко, О. А. (2021). Биополитика как аспект государственного управления нелиберальных политических режимов (на примере КНР). *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 86-97.

Kshevin, N. V., Simonenko, O. A. (2021). Biopolitics as an Aspect of State Management in Non-liberal Regimes (The Case of China). *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 2. pp. 86-97. (In Russ.)

Макаренко, В. П. (2005). *Политическая концептология: обзор повестки дня*. М. Праксис.

Makarenko, V. P. (2005). *Political Conceptology: A Review of the Agenda*. Moscow. (In Russ.)

Макаренко, В. П. (2009). Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. № 2. С. 5-28.

Makarenko, V. P. (2009). Scientific-commonplace Knowledge: On Intellectual and Political Modes. *Political Conceptology: A Journal of Meta-disciplinary Studies*. no. 2. pp. 5-28. (In Russ.)

Секерин, В. П. (1970) Контент-анализ в комплексном изучении газеты (некоторые методические выводы). *Проблемы контент-анализа в социологии: Материалы Сибирского социологического семинара*. Отв. ред. А. Н. Алексеев. Новосибирск. Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. С. 58-62.

Sekerin, V. P. (1970). Content-analysis in a Comprehensive Study of a Newspaper (Some Methodological Conclusions). In Alexeev, A. N. (ed.), *Problems of Content-analysis in Sociology: Materials of the Siberian Sociological Seminar*. Novosibirsk. pp. 58-62. (In Russ.)

Berman, J. J. (2013). *Principles of Big Data: Preparing, Sharing, and Analyzing Complex Information*. Waltham, MA. Morgan Kaufmann.

The Age of the Whistleblower. (2015). *The Economist*. December 15. [Online]. Available at: <https://www.economist.com/business/2015/12/03/the-age-of-the-whistleblower> (Accessed: 2 November 2021).

Foucault, M. (2007). *Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. Burchell, G. (transl.). Basingstoke and New York. Palgrave Macmillan.

Foucault, M. (2011a). *The Government of Self and Others. Lectures at the Collège de France, 1982–1983*. Burchell, G. (transl.). New York. Picador/Palgrave Macmillan.

Foucault, M. (2011b). *The Courage of Truth (The Government of Self and Others II). Lectures at the Collège de France, 1983–1984*. Burchell, G. (transl.). Basingstoke and New York. Palgrave Macmillan.

Hegy, P. (1974). Words of Power: The Power of Words. *Theory and Society*. no. 1. pp. 329-339.

Jeanneney, J.-N. (2007). *Google and the Myth of Universal Knowledge: A View From Europe*. Fagan, T. L. (transl.). Chicago. University of Chicago Press.

Ledyayev, V. G. (1997). *Power: A Conceptual Analysis*. Commack, NY. Nova Science.

Ménard, C. (2021). Hybrids: Where are We? *Journal of Institutional Economics*. pp. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137421000230>

Michel, J.-B., Shen, Y. K., Aiden, A. P., Veres, A., Gray, M. K., The Google Books Team, Pickett, J. P., Hoiberg, D., Clancy, D., Norvig, P., Orwant, J., Pinker, S., Nowak, M. A., & Aiden, E. L. (2011). Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*. no. 331. p. 176-182. <https://doi.org/10.1126/science.1199644>

Munster, A. (2011). *Nerves of Data: the Neurological Turn in/against Networked Media. Computational Culture 1*. [Online]. Available at: <http://computationalculture.net/nerves-of-data/> (Accessed: 2 November 2021).

Sapir, E. (1961). *Culture, Language and Personality*. Berkeley, CA. University of California Press.

Shlapentokh, V. (1989). *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York and Oxford. Oxford University Press.

Skinner, Q. (2002). *Visions of Politics*. Vol. 1. Cambridge. Cambridge University Press.

Swedberg, R. (2003). *Principles of Economic Sociology*. Princeton and Oxford. Princeton University Press.

Weber, M. (1968). *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*, Guenther R., Wittich C. (eds.). New York. Bedminster Press.

Whorf, B. L. (1956). *Language, Thought and Reality: Selected Writings*. Cambridge, MA. MIT Press.

Williamson, O. E. (1991). Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives. *Administrative Science Quarterly*. no. 36(2). pp. 269-296.

Wrong, D. H. (1980). *Power: Its Forms, Bases and Uses*. New York. Harper Colophon Books.

Сведения об авторе / Information about the author

Олейник Антон Николаевич – доктор экономических наук, PhD, профессор Memorial University of Newfoundland (Канада), ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, г. Москва, Нахимовский пр., 47, e-mail: aoleynik@mun.ca, <http://orcid.org/0000-0002-5229-1052>

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021

После доработки: 27.10.2021

Принята к публикации: 01.11.2021

Oleinik Anton – Doctor of Economics, professor, PhD, Memorial University of Newfoundland (Canada) and leading research fellow of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Nakhimovsky Pr., 47, e-mail: aoleynik@mun.ca, <http://orcid.org/0000-0002-5229-1052>

The paper was submitted: 15.10.2021

Received after reworking: 27.10.2021

Accepted for publication: 01.11.2021